

Хэ Гу возвращался в столицу вместе со старым хоу Хэ. Всю дорогу отец не затыкался, и у юноши на ушах уже мозоли натерлись от его нотаций.

— Твоя матушка осталась в Бяньцзине совсем одна. Она уже в годах, ей нельзя волноваться. Когда вернешься, не смей нести всякую чепуху. Если доведешь ее до беды, об этом пойдет дурная слава, что плохо скажется на твоём имени.

Хэ Гу хмыкнул:

— Отец, вы говорите какие-то странные вещи. Кто это — моя матушка? Моя мама умерла семь-восемь лет назад. Что же до той особы в поместье — это драгоценная супруга хоу, разумеется, я не посмею ее расстраивать.

— Ах ты, негодник! — старый хоу Хэ от этих полных язвительности слов так разозлился, что у него глаза полезли на лоб. — Даже если она не твоя родная мать... она все равно...

Хэ Гу выплюнул шелуху от семечек. Раздался громкий «пфух», и шелуха припечаталась прямо к дрожащей от ярости бороде старого хоу.

— Ладно, отец, кончайте читать проповеди. Поберегите силы — по возвращении в столицу еще предстоит аудиенция у императора.

Он откинул полог кареты и спрыгнул вниз, совершенно не заботясь о том, что старый хоу остался позади, трясаясь от гнева и тыча ему вслед пальцем.

Едва он оказался на земле, к нему тут же подбежал сметливый слуга, ведший лошадь под уздцы. Хэ Гу улыбнулся ему, перехватил поводья и одним резким, отточенным движением взлетел в седло.

Слуга спросил:

— Я слышал, старый хоу не на шутку разгневан. Вам бы хоть немного поостеречься.

Хэ Гу, лениво покачиваясь в седле вслед за отрядом, усмехнулся:

— Не бойсь, не помрет.

— А старый хоу уже заводил с вами разговор о том самом деле?

— Нет, — Хэ Гу потрепал любимого коня по шее. — Теперь у него кишка тонка заговаривать об этом самому. Наверняка ждет возвращения в столицу, чтобы та злобная баба первой подала голос. Вот тогда он и пристроится рядом, будет задирать меня, пользуясь чужим могуществом.

Слуга цыкнул языком:

— Супруга хоу поступает уж слишком жестоко... Старшая принцесса выбирает фума, а она втайне отправила ваши данные о рождении во дворец. Это же явное желание отрезать господину всякий путь к чиновничьей службе.

— Эта женщина чертовски хитра.

У Хэ Гу было одно уникальное умение: он забрасывал в рот горсть жареных семечек и без помощи рук, одними лишь губами и зубами, очищал их, а затем одну за другой выплевывал шелуху.

Вот и сейчас, сплевывая кожуру, он продолжал:

— Видя, что наследный принц оступился и с каждым днем теряет расположение императора, нельзя быть уверенным, что Восточный дворец завтра не сменит хозяина. К тому времени шансы третьего принца на победу станут огромны. Ее драгоценный сынок пошел по пути сдачи экзаменов, и тут подворачивается такая удачная возможность: и с родной сестрой третьего принца породниться, и мое будущее загубить, да еще так, что посторонние комар носа не подточат. Разве она такое упустит?

Слуга смертельно побледнел и поспешно зашептал:

— Ой, мой юный господин, разве можно такими словами бросаться? Если кто услышит, как вы рассуждаете о престолонаследии, всё наше поместье Чанъян-хоу пойдет под...

Хэ Гу со смешком ответил:

— Успокойся, здесь никого нет, кто услышит?

Догрызя семечки, он резко натянул поводья и, в лучах заходящего солнца, весело и бесшабашно воскликнул:

— Пойду дам коню волю, скоро вернусь!

Прежде чем слуга успел его остановить, юноша в синих одеждах с силой хлестнул коня плетью, сжал бока скакуна ногами и умчался прочь, подняв столп пыли.

Оставив после себя лишь вид своенравной спины, он исчез. Слуга лишь безнадежно вздохнул.

На душе у Хэ Гу было по-настоящему легко.

Любой, кто после мучительной казни и истребления всего рода, открыв глаза, обнаружил бы себя снова шестнадцатилетним, на резвом коне и в нарядных одеждах, наверняка зашелся бы в плаче и смехе от счастья.

Хэ Гу не был исключением. И хотя перед старым знакомым он держался непринужденно, радость в его груди едва не выплескивалась наружу.

Он вернулся к жизни!

Вернулся в свои шестнадцать лет, когда вместе со стариком Хэ ехал из округа Чэнхэ в столицу. В те беззаботные шестнадцать, когда не нужно было истощать силы ради трона наследного принца и до дрожи бояться подозрений нового императора.

Разве есть в подлунном мире что-то прекраснее?

Хэ Гу изо всех сил сжимал бока коня, понукая его бежать быстрее, еще быстрее.

Он подставил лицо ветру, дующему из степи, глядя, как багряное, словно румяна, солнце понемногу сползает за горы, а небеса затягиваются слоями пылающих облаков.

Он расхохотался во весь голос.

— Чёрт возьми, как красиво! — Грубо выкрикнул младший хоу.

Ветер неистово трепал пряди на лбу Хэ Гу. Под чистым, открытым лбом сияли задором глаза и взлет шли брови-мечи — в его облике уже проступало очарование зрелого мужчины.

Хэ Гу смеялся, но одинокая слеза беззвучно скатилась из уголка глаза. Он небрежно смахнул ее рукой, и улыбка на его лице стала только ярче.

Когда Хэ Гу, вдоволь наскакавшись, с довольным видом вернулся в строй, тот самый слуга смотрел на него с нескрываемым беспокойством.

— Господин?

Хэ Гу был в превосходном расположении духа. Он обернулся, сияя солнечной улыбкой:

— Чего звал?

Слуга сглотнул:

— Я понимаю, что на душе у господина тоскливо, но не стоит так себя изводить... — Он тревожно взгляделся в лицо Хэ Гу. — Нехорошо будет, если вы от этой тоски рассудком повредитесь...

— ...

— С какого перепугу ты решил, что я рассудком повредился? — искренне удивился он. — Я в полном порядке!

— Да вы... то кричите, то вопите... — слуга огляделся по сторонам. — Весь караван это видел. Когда вернемся в столицу и слухи дойдут до супруги хоу, она наверняка скажет, что господин затаил обиду и ведет себя непочтительно.

Хэ Гу хмыкнул:

— Я и в самом деле затаил обиду. Она мне не родная мать, с чего мне быть к ней почтительным?

— Оно-то так, — вздохнул слуга. — Но ведь дурные слухи подпортят господину репутацию.

Хэ Гу внезапно рассмеялся. Когда он смеялся, на его щеках отчетливо проступали две очаровательные ямочки.

— Я — будущий фума. Чиновничья служба мне не светит, так какая беда от дурной репутации? Или даже так: если слухи о моей дурной славе дойдут до дворца и там передумают выбирать меня в зятя — разве это не будет чудесно?

Слуга, сраженный этой логикой, только и смог вымолвить:

— Э... это...

Хэ Гу же сорвал с пояса мешочек с лакомством и бросил его парню.

— А где мои семечки в сахаре? Живо подать господину!

Чжэнъе:

— ...

Он принял расшитый фигурками детей-символов «долголетия и счастья» мешочек с крайне сложным выражением лица.

— Вам не стоит так падать духом, — пробормотал он. — Я уже разузнал: на место фума метит не только наша супруга хоу. Возможно, во дворце примут во внимание заслуги старого хоу. Думаю, там тоже догадаются, какие цели преследует госпожа, подавая именно ваши данные...

— Ладно тебе, Чжэнъе, не ворчи. С чего это ты, личный слуга, печешься о делах больше, чем старая нянька? Ну, выберут меня, и что с того? Подумаешь, на принцессе женюсь. К тому же, Его Величество статен, императрица — женщина достойная и величественная, так что Старшая принцесса наверняка тоже не дурна собой. Я же не на Чжун Уянь* женюсь! Я сам не переживаю, чего ты-то засуетился?

Губы Чжэнъе задрожали. Он про себя подумал: «Не переживаешь? А кто вчера в бешенстве чуть карету старого хоу в щепки не разнес?»

Однако, как бы ни горело сердце слуги, молодой хоу Хэ будто съел какую-то чудодейственную пилюлю спокойствия. Только вчера он был готов лезть в петлю из-за краха своей карьеры, а сегодня внезапно стал невозмутим, словно это его вовсе не касалось.

Люди из свиты тоже старались не поднимать глаз, помалкивая в тряпочку. Никому не хотелось связываться в грязное белье семейства Чанъян-хоу.

Как и следовало ожидать, едва они прибыли в Бяньцзин и повозки остановились у ворот поместья, Хэ Гу еще издали приметил женщину в светло-зеленой кофте и юбке.

Он издал едва слышный презрительный смешок, спрыгнул с коня и последовал за вышедшим из кареты старым хоу вверх по каменным ступеням.

— Хоу-е, вы наконец-то вернулись! Вы и представить не можете, как я извелась в столице одна. Ни сна, ни аппетита... Ночами глаз сомкнуть не могла, все боялась, как бы с вами в Чэнхэ чего не... Ах, ладно-ладно, дурные приметы, не буду об этом.

Это была супруга хоу, мачеха Хэ Гу из рода Вань. Ростом она не вышла, была хрупкой и тонкой; светло-зеленое одеяние подчеркивало ее образ «слабой ивы на ветру», вызывая невольную жалость. Тонкими, словно ростки бамбука, пальцами она прижимала к уголкам глаз шелковый платок с вышивкой, смахивая невидимые слезы.

— Моя добрая Шу-эр, заставил я тебя волноваться, — старый хоу, растроганный видом любимой жены, поспешил вперед и обнял ее за худые плечи. — Мятеж в округе Чэнхэ подавлен, всё наладилось. На этот раз Государь отозвал меня в столицу, должно быть, чтобы позволить мне уйти на покой. Теперь я буду проводить с тобой гораздо больше времени.

Хэ Гу передернуло от отвращения.

Оба уже в возрасте, а милуются на людях — тошно смотреть.

Внезапно ему пришла в голову мысль: в прошлой жизни он сполна натерпелся от этой зловредной бабы. В этой же жизни он не собирается карабкаться по карьерной лестнице, так с чего бы ему бояться ее козней и сплетен?

Хэ Гу решил, что это логично.

Терпеть это свинство одну жизнь было достаточно, вторую — увольте. Он прочистил горло и звонко, отчетливо произнес:

— Госпожа, я тоже вернулся.

Супруга хоу вздрогнула и подняла голову с плеча мужа, будто только что его заметила. В мгновение ока на ее лице появилось выражение материнской нежности.

— Ах, как я оплошала! Гу-эр, ты, должно быть, тоже натерпелся в пути. Скорее иди в дом, отдохни. Я велела поварам приготовить твои любимые свиные ребрышки в кисло-сладком соусе. Пойдемте скорее?

Старый хоу как раз собирался излить жене чувства, и бесцеремонное вмешательство сына его разозлило, но высказаться он не решился — лишь метнул в него колючий взгляд.

Хэ Гу в ответ лучезарно улыбнулся, сделав вид, что ничего не заметил.

Старый хоу и супруга первыми вошли в ворота. Хэ Гу следовал за ними, когда к нему подошел юноша в одежде ученого, стоявший до этого позади госпожи Вань. Его левый глаз закрывала повязка, но облик все равно оставался благородным и утонченным.

— С возвращением, старший брат. Тяжелая, должно быть, выдалась поездка, — мягко произнес он.

Это был Хэ Чэн, сын старого хоу и госпожи Вань.

Несмотря на то, что его матерью была такая женщина, Хэ Чэн, видимо, с детства впитывал учения мудрецов. Он не унаследовал ее черного сердца и привычки менять маски. В прошлой жизни Хэ Гу долго подозревал его в ударах в спину, но лишь когда всю семью вели на казнь, понял, что ошибался.

Хэ Чэн действительно был искренним благородным мужем.

Хэ Гу на мгновение замолчал. Ему не хотелось, как в прошлый раз, переносить свою ненависть к мачехе на брата.

— Как ты поживал в Бяньцзине, брат Чэн? — смягчившись, спросил он.

Хэ Чэн, заводя разговор, внутренне приготовился к резкому ответу. Он никак не ожидал, что этот своенравный старший брат не только не выкажет неприязни, но и спросит о его делах.

Глядя на чуть смущенного Хэ Гу, младший брат остолбенел, а когда осознал, что брат проявляет дружелюбие, почувствовал глубокое душевное волнение.

«Мудрецы не лгали! — подумал Хэ Чэн. — Искренность способна расколоть даже камень. Неужели брат наконец решил отбросить предубеждения?»

Примечание:

Чжун Уянь — легендарная героиня китайской истории, известная своим умом, но считавшаяся крайне некрасивой.

Фума — это титул мужа принцессы в императорском Китае, аналог западного понятия «принц-консорт».

Хоу — это один из высших аристократических титулов в древнем Китае, который чаще всего соответствует западному «маркизу» или «герцогу» (в зависимости от эпохи и контекста).

От переводчика:

Сделала артик)

<http://bllate.org/book/15879/1615338>